

Пресс-конференция М. С. Горбачёва

Рейкьявик, 12 октября 1986 г. — расшифровка эфирной записи, сверенная с текстом «Правды» (14 октября 1986 г., № 287)

Основной текст — эфирная запись (оговорки и повторы устной речи сокращены, неразборчивые места и формулировки вопросов восстановлены по «Правде»). **[В квадратных скобках]** — то, что есть в газетном тексте, но не звучало в эфире. *Курсивом* — то, что прозвучало в эфире, но в газету не вошло или было смягчено. Атрибуция вопросов всюду дана по «Правде». Остальные замечания — в конце.

М. С. Горбачёв: Добрый вечер, дамы и господа, товарищи! Приветствую всех вас.

Прошло около часа, как завершилась наша встреча с президентом Соединённых Штатов Америки господином Рейганом. Она продолжалась немножко больше, чем мы намечали, — дело этого потребовало. И я хочу извиниться перед вами, что не прибыл на пресс-конференцию в назначенное время.

Вы знаете, что эта встреча состоялась по инициативе советского руководства. Но, естественно, её не было бы, если бы не было согласия со стороны господина Рейгана. Поэтому я бы сказал, что это было наше совместное решение — провести эту встречу.

Теперь она закончилась. Иногда говорят: лицом к лицу лица не увидать. Я только что со встречи, которая, особенно на последнем этапе, проходила в горячих дискуссиях, и я нахожусь ещё во власти этих впечатлений. Тем не менее я постараюсь уже сейчас не только поделиться своими впечатлениями, но и разобраться, что же произошло. И всё же это будут первые впечатления, первые оценки, первый анализ. Ещё предстоит основательнее оценить всю встречу.

Встреча произошла крупная, и вы это почувствуете, когда я расскажу о её содержании, о проблемах, которые были на ней предметом очень широкого, очень интенсивного, очень заинтересованного обсуждения. Атмосфера на встрече была дружественной. Мы имели возможность свободно и без ограничений излагать свои взгляды. Это позволило нам углубить понимание многих крупных проблем мировой политики, двусторонних отношений и прежде всего тех вопросов, которые стоят в центре внимания всей мировой общественности, — вопросов войны и мира, прекращения гонки ядерных вооружений, всего комплекса вопросов, охватываемых этой темой.

Перед тем как я перейду непосредственно к характеристике самой встречи, содержания дискуссий, предложений сторон и её итогов, хочу пояснить вам, почему мы выступили с инициативой о проведении этой встречи.

Я регулярно читаю мировую прессу и в эти дни увидел, насколько широкий резонанс вызвало сообщение о встрече. Много было сказано и в адрес Генерального секретаря, и в адрес президента США: не поторопились ли они, есть ли необходимость в такой встрече,

кто кому уступил, кто кого переиграл и так далее. Но, знаете, повод, который послужил исходным моментом нашего предложения президенту США безотлагательно встретиться, и его решение позитивно откликнуться на это приглашение — очень значительны.

Я хочу вернуться к Женеве, когда мы встретились впервые. Это был крупный диалог, и сейчас, по истечении немалого времени, мы так и оцениваем ту встречу. Если вы помните, мы признали тогда особую ответственность СССР и Соединённых Штатов Америки за сохранение мира и вместе заявили, что ядерная война никогда не должна быть развязана и что в ней не может быть победителей. Это признание огромной важности. Мы заявили также, что ни одна из сторон не будет стремиться к военному превосходству. Это тоже очень важная констатация.

После Женевы прошёл почти год. Советское руководство осталось верным обязательствам, которые оно приняло на себя там. Вернувшись из Женевы, мы продлили свой мораторий — он у нас был до 1 января нынешнего года. Уже 14 месяцев на наших полигонах царит тишина, — разве это не свидетельство нашей приверженности договорённостям в Женеве, нашей ответственности за судьбы мира? Это всё нелёгкие решения, если учесть, что в это время взрывы в Неваде продолжались, происходят и сейчас. 15 января мы выступили с крупным Заявлением, в котором была обоснована программа ликвидации ядерного оружия к концу нынешнего века.

В июне нынешнего года государства Варшавского Договора внесли крупную комплексную программу о масштабном сокращении обычных вооружений и вооружённых сил в Европе. Это тоже крупный шаг с учётом тех озабоченностей, которые высказывались западноевропейцами и Соединёнными Штатами.

Извлекая уроки из чернобыльской трагедии, мы выступили с инициативой о проведении чрезвычайной сессии МАГАТЭ в Вене. Она состоялась, и вы знаете её итоги — они многообещающи. Теперь мы имеем международный механизм, позволяющий решать многие важнейшие вопросы безопасности ядерной энергетики.

Иначе говоря, в истекший период — и, думаю, я не впадаю в преувеличение, оценивая так нашу политику, ибо я говорю о фактах, а не просто о намерениях, — мы всё делали, чтобы помочь формированию нового мышления в ядерный век. С удовлетворением мы отмечаем, что ростки этого нового мышления прорастают, в том числе и на европейской ниве. В частности, это проявилось в успехе Стокгольма.

Может быть, я и закончу на этом перечень конкретных акций, которые мы предприняли, руководствуясь духом и буквой договорённостей с президентом Рейганом в Женеве. Сами факты, думаю, позволяют вам оценить серьёзность нашего отношения к этим договорённостям.

Почему же всё-таки потребовалась встреча в Рейкьявике, каковы были мотивы нашей инициативы? Дело в том, что надежды на крупные перемены в мировой обстановке, которые мы все имели после Женевы, начали угасать, и, я думаю, не без оснований. Советско-американские переговоры в Женеве, о которых очень много было сказано, может,

даже слишком много, где гуляют, как я вчера говорил президенту, 50–100 вариантов всяких предложений, — уже одно это вызывает сомнение в плодотворности дискуссий, которые там ведутся. Если бы было один-два, ну пусть три варианта, это позволило бы сузить дискуссию, сосредоточить поиски на каких-то важных направлениях, и можно было бы рассчитывать, что эти поиски завершатся выходом на конкретные соглашения и предложения правительствам. Но ничего этого не происходит в Женеве, на главном форуме мировой политики. Больше того, я прямо скажу: в последнее время эти переговоры идут на холостом ходу и практически зашли в тупик.

Гонка вооружений не остановилась, и всё яснее становится, что мы подходим к новой черте, за которой неизбежен новый виток этой гонки с непредсказуемыми последствиями — политическими и военными. Наши крупные инициативы, о которых я говорил выше, нашли широкий отклик у мировой общественности, но не нашли должного понимания у американской администрации.

Обстановка ухудшалась, тревога в мире вновь стала нарастать. Думаю, не преувеличу — да вы, представляющие все континенты, сами свидетели этого, — мир бурлит. Мир бурлит и требует от руководителей всех стран, и прежде всего крупных держав, в первую очередь от Советского Союза и Соединённых Штатов Америки, политической воли, решимости остановить опасные тенденции.

Надо было сделать что-то такое, чтобы переломить ход событий. И мы пришли к выводу: нужен новый импульс, мощный импульс, чтобы повернуть процесс, и прежде всего женевские переговоры, в нужном направлении. Такие импульсы могли последовать только от руководителей СССР и Соединённых Штатов Америки. Именно поэтому, отвечая президенту Рейгану на его письмо от 25 июля, я решил пригласить его незамедлительно встретиться. Я писал: ситуация такова, что нам надо отложить все дела на день-два и безотлагательно провести встречу. Это письмо было передано президенту товарищем Шеварднадзе.

И вот эта чрезвычайно важная встреча состоялась. Мы понимали, что от её итогов многое будет зависеть, и, конечно, приехали на встречу не с пустыми руками. Мы привезли в Рейкьявик целый пакет крупных предложений, которые, если бы они были приняты, могли действительно в короткий срок внести, я бы сказал, перелом на всех направлениях борьбы за ограничение ядерного оружия, реально отвести угрозу ядерной войны и позволили бы начать движение к безъядерному миру.

Я предложил президенту, чтобы мы тут же, в Рейкьявике, дали обязывающие поручения своим министрам иностранных дел и другим соответствующим ведомствам подготовить три проекта соглашений, которые мы потом могли бы подписать во время моего визита в Соединённые Штаты Америки.

Первое — по стратегическому оружию: сократить его на 50 процентов, и не меньше, причём с таким расчётом, чтобы уже к концу века полностью ликвидировать это самое смертоносное оружие. Мы исходили из того, что мир ждёт действительно крупных шагов, глубоких сокращений, а не каких-то косметических шагов — только чтобы успокоить на

какой-то период общественное мнение. Пришло время, когда нужны смелые, ответственные действия в интересах всего мира, в том числе народов Советского Союза и Соединённых Штатов Америки.

Конечно, советская и американская делегации, которым было бы поручено готовить этот документ, должны были бы хорошо и честно сбалансировать сокращение исторически сложившихся структур стратегических сил. Речь идёт о той самой триаде, которая была признана ещё при разработке ОСВ[-2]. Но когда мы начали обсуждать этот вопрос с президентом, *мы почувствовали, что предложения, с которыми прибыли президент и его окружение, неадекватны, далеко не соответствуют задаче.* Нам вновь было вытащено всё то, что фигурирует на женевских переговорах: все уровни, подуровни, много арифметики — и всё для того, чтобы запутать существо вопроса.

Мы всё это выслушали и тогда внесли такое уточнение. Есть признанная триада стратегических наступательных вооружений: стратегические ракеты наземного базирования, стратегические ракеты на подводных лодках и стратегическая авиация. Давайте сократим каждую её часть на 50 процентов: на 50 процентов ракеты наземного базирования, *в том числе и тяжёлые ракеты, чем так озабочены Соединённые Штаты Америки,* на 50 процентов ракеты на подводных лодках и на 50 процентов стратегическую авиацию. Американская делегация с этим согласилась. Таким образом, мы договорились по очень крупному вопросу.

Причём обращаю ваше внимание, что здесь мы пошли на серьёзные уступки. Вы, наверное, помните, что, когда мы выдвигали в Женеве предложение о 50-процентном сокращении, мы зачисляли в стратегическое всё оружие, которое достигает территории друг друга, в том числе средние ракеты. Сейчас мы отказались от этого требования, сняли и вопрос о средствах передового базирования. Итак, благодаря этим крупным уступкам состоялась договорённость в Рейкьявике по сокращению стратегического оружия.

Второе наше предложение относилось к ракетам средней дальности. Мы предложили поручить подготовить соглашение и по этому типу оружия. Я предложил президенту отказаться от всех до сих пор обсуждавшихся вариантов — промежуточных, временных и так далее — и вернуться к прежнему американскому предложению: полностью уничтожить американские и советские средние ракеты в Европе.

Раньше, в Женеве, мы предлагали оставить в стороне существующий ядерный потенциал Франции и Англии и просили только его не наращивать и не совершенствовать. Американскую сторону это не устраивало. Теперь, на этой встрече, мы решили вообще снять вопрос о французских и английских ракетах, оставить их совсем в стороне — *пусть они остаются как самостоятельная сила, наращиваются и совершенствуются.* Хотя, вы понимаете, это была с нашей стороны очень большая уступка. [Ведь эти две страны — союзники США,] и это очень крупный потенциал, который будет наращиваться. Он является органической частью ядерного потенциала НАТО и учитывается при планировании всех операций. Это нам доподлинно известно*, и, по-моему, 99 процентам

здесь присутствующих тоже. А если один процент в этом не убеждён, ему надо срочно избавиться от этого недостатка*. Тем не менее мы сняли это препятствие к соглашению.

Далее, была озабоченность по Азии. Мы и здесь предложили компромисс: садимся сразу за переговоры, выясняем претензии и находим решение. Выдвигалась и озабоченность в связи с ракетами дальностью менее тысячи километров. По этому вопросу мы внесли предложение: замораживаем эти ракеты и вступаем в переговоры об их судьбе.

Вот на какие крупные меры мы готовы были пойти. Мне кажется, американцы не ожидали от нас такого. Но началась дискуссия, и это опять не устроило американскую сторону. Нас вновь начали приглашать на промежуточные варианты: сохранить часть американских и советских ракет в Европе, часть в Азии, определённые компенсации. [Они откровенно заявили, что их не устраивает — убрать свои ракеты из Европы.] Мы же настаивали на полном освобождении Европы от советских и американских ракет средней дальности. Мы обратили внимание президента США на то, что он, выходит, отрекается от своего детища — от «нулевого варианта», который в своё время настойчиво предлагал. А мы теперь пошли ему навстречу.

Дискуссия продолжалась до сегодняшнего дня, острая дискуссия, и мы решили сделать ещё один шаг навстречу. Мы заявили, что готовы на такой вариант: в Европе ликвидируются американские и советские ракеты средней дальности; ракеты с радиусом действия менее тысячи километров замораживаются, и начинаются переговоры; а в Азии мы оставляем по 100 боеголовок на своих средних ракетах, и столько же американцы — на своих таких же ракетах на территории США. В конце концов договорились пойти на соглашение и по этому вопросу, хотя это опять крупнейшая наша уступка, и нам нелегко всё это принимать.

Но надо же начинать движение. Я уже не раз об этом говорил: нужны смелые, нестандартные решения! Если мы будем всё время искать советы в прошлом, в том, что относится совсем к другому времени, не обращая внимания на то, где мы находимся сегодня и где будем завтра, то это завтра может вообще не настать и никакого диалога по этим жгучим вопросам, которые волнуют весь мир, не получится. Надо же с чего-то начинать! И мы пошли на такой компромисс, хотя, повторяю, это нелегко для нас. Итак, мы договорились с президентом США и по вопросу о ликвидации и сокращении ракет средней дальности.

В связи с готовностью пойти на глубокие сокращения стратегических наступательных вооружений и на ликвидацию средних ракет мы поставили вопрос так: коль мы вступаем в конкретный этап ликвидации ядерного оружия, у сторон должна быть полная ясность по двум вопросам.

Первое — контроль. Теперь, когда мы выходим на эту стадию, [контроль должен быть ужесточён.] Советский Союз выступает за тройной контроль, который обеспечил бы полную уверенность каждой стороны, что она не окажется в западне, в ловушке. Мы подтвердили свою готовность к любым формам контроля, и ввиду такой нашей позиции этот вопрос был снят.

Второе. Если мы приступаем к практической ликвидации ядерного оружия — и стратегического потенциала, и средних ракет, — у каждой стороны должна быть гарантия, что за это время ни одна из сторон не станет добиваться военного преимущества и не получит возможности диктовать. По-моему, это совершенно справедливая, законная постановка вопроса — и с политической, и с военной точки зрения.

С политической: если мы начинаем сокращение, то должны позаботиться о том, чтобы все тормоза, которые сегодня действуют и стоят на пути создания новых видов оружия, были бы не только сохранены, но и упрочены.

С военной: действительно, надо позаботиться, чтобы не оказалось так, что обе стороны сократили ядерный потенциал, а в это время, пока шёл процесс сокращения, другая тайно подготовила, перехватила инициативу и добилась военного превосходства. Такое недопустимо. Это я отношу к Советскому Союзу, но мы вправе предъявить такие же требования и к американской стороне.

И в этой связи мы поставили вопрос так. Когда мы выходим на этап реального, глубокого сокращения, а затем, через 10 лет, — ликвидации ядерного потенциала Советского Союза и Соединённых Штатов Америки (а именно так выглядела вся ситуация сегодня, когда мы уже проработали конкретику), в этот период надо не только не раскачивать механизмы, сдерживающие гонку вооружений, и прежде всего такой, как ПРО, но упрочить их.

Наше предложение сводилось к следующему: мы укрепляем бессрочный Договор по ПРО путём того, что стороны берут одинаковые обязательства — в течение ближайших десяти лет не пользоваться правом выхода из этого договора. Как раз это те десять лет, когда будет происходить сокращение ядерного потенциала. Правильная, логичная постановка? Логичная. Серьёзная постановка? Серьёзная. Отвечающая интересам обеих сторон? Отвечающая интересам обеих сторон.

И одновременно мы высказывались за то, чтобы в течение этих десяти лет все требования Договора по ПРО строго соблюдались, запрещались разработка и испытания космического оружия и оставались разрешёнными только исследования и испытания в рамках лабораторий. Что мы этим хотели сказать? Мы знаем приверженность американской администрации, президента к СОИ. Наше согласие на продолжение исследований и на лабораторные испытания даёт президенту возможность до конца довести исследования и выяснить, что такое СОИ и с чем её едят. Хотя для многих, и для нас тоже, уже ясно, что это такое.

И вот тут-то, товарищи, и началась настоящая схватка двух подходов к мировой политике, в том числе к таким вопросам, как прекращение гонки вооружений, запрещение ядерного оружия. Американская администрация, президент до конца настаивали на том, чтобы Америка имела право исследовать и испытывать всё, что относится к СОИ, не только в лабораториях, но и за их пределами, в том числе в космосе.

Ну кто же на это пойдёт? Сумасшедший? Но сумасшедшие, как правило, находятся там, где им положено, — на излечении. Во всяком случае, я не вижу их на руководящих постах, и

особенно у руля государства.

Мы были на грани принятия крупнейших, исторических решений, ибо до сих пор речь шла только об ограничении вооружений — мы принимали решения по ПРО, ОСВ-1, ОСВ-2 и так далее. И поскольку американская администрация, как мы теперь понимаем, уверовав в своё технологическое преимущество, надеется вырваться через СОИ к военному превосходству, она пошла даже на то, что похоронила уже достигнутые договорённости. А ведь мы их согласовали, можно было дать поручение вырабатывать договоры, исходя из их практической реализации, и во время встречи в Вашингтоне их можно было бы подписать. Но американская сторона сорвала это всё.

Я сказал президенту, что мы упускаем исторический шанс: ещё никогда не были так близки наши позиции. Президент, прощаясь, сказал мне, что он разочарован и что я [якобы] с самого начала приехал с нежеланием находить соглашения и договорённости. «Почему вы из-за одного слова проявляете такую твёрдость в подходе?» — это к СОИ, к проблеме испытаний. Думаю, дело не в словах, а в существе. Именно здесь ключ к пониманию того, что на уме у американской администрации. А по-моему, у неё на уме то, что на уме, — теперь я уже это вижу, — у американского военно-промышленного комплекса. Она в его власти, и президент не свободен, чтобы принять такое решение. Мы делали перерывы, проводили дискуссии, и я вижу — президент не получил поддержки. Поэтому и сорвалась наша встреча, когда мы уже были близки к тому, чтобы выйти на исторические итоги.

Вот такая драматическая ситуация сложилась на этой встрече, когда, *если перечислить — сделайте простую инвентаризацию, — вы увидите, что мы пошли на самые крупные, беспрецедентные уступки и компромиссы, какие делали до сих пор, —* и тем не менее мы не смогли договориться.

Хоть и трудный был у нас диалог с президентом, но он продолжался после Женевы, и я высказывал ему свою точку зрения относительно того, какой должна быть наша встреча во время моего визита в Соединённые Штаты Америки. Она вам известна. Это не условие. Это, я думаю, понимание нашей ответственности — моей и президента. Оно диктует именно такой подход к будущей встрече в Вашингтоне. Нам нужна встреча результативная. Она должна действительно привести к ощутимым результатам, к кардинальным изменениям, к шагам — особенно в таких жгучих вопросах, как контроль над ядерным оружием, прекращение гонки вооружений, ликвидация ядерного оружия.

Я ему говорил в письмах и сказал на нашей встрече: нельзя нам с вами, господин президент, допустить того, чтобы наша встреча в Вашингтоне провалилась. Вот почему я высказался за то, чтобы нам встретиться безотлагательно. У нас есть что внести конструктивного, чтобы договориться и выйти на встречу в Вашингтоне с серьёзными предложениями, с серьёзными решениями.

Я ни на одну минуту не могу допустить, что если бы мы встретились в Вашингтоне, то эта встреча провалилась бы. Что тогда, вообще говоря, должны думать люди — и в Советском Союзе, и в США, и во всём мире? Что же это за политики стоят во главе двух таких

огромных государств, от которых в значительной мере зависит судьба всего мира? Они встречаются, переписываются, состоялась уже третья встреча — и ни о чём не могут договориться. Это, я считаю, было бы просто скандальным исходом, с непредсказуемыми последствиями. Этого мы просто не можем допустить. Это вызвало бы разочарование во всём мире, а не только в наших странах.

Вот, собственно, замысел: встречу в Вашингтоне мы должны провести с результатами. Это и подтолкнуло нас к инициативе провести рабочую встречу здесь, в Рейкьявике, чтобы по-деловому разобраться во всём, внимательно выслушать друг друга, попытаться найти взаимные точки соприкосновения, общие подходы, которые отвечали бы интересам и наших двух стран, и наших союзников, и народов всех стран.

К сожалению, американцы приехали на эту встречу с пустыми руками, с тем нафталинным набором, от которого уже задыхаются женевские переговоры. Мы, как видите, внесли свои предложения, чтобы сломать эту ситуацию, открыть дорогу и перейти на новый этап, действительно решить назревшие вопросы.

Ну вот, я вам рассказал, что произошло. Что же делать?

Остаются Соединённые Штаты как реальность, остаётся Советский Союз как реальность. Какой-то герой одного нашего русского писателя собирался закрыть Америку — ему это не удалось. Мы свободны от этого комплекса. Америка — это реальность, да ещё какая. Советский Союз, по-моему, тоже внушительная реальность. Но и весь мир — тоже реальность. И сейчас нельзя ни заработать авторитета, ни, прежде всего, решить стоящие проблемы, если не учитывать реальности нынешнего мира.

На этой встрече мы почувствовали дефицит нового мышления. И опять появился этот призрак — погоня за военным превосходством. Я встречался [летом] с господином Никсоном, и он в беседе мне сказал: я имею основания, опираясь на свой внушительный жизненный и политический опыт, сказать, что погоня за этим призраком завела нас далеко, и теперь мы не знаем, как выбраться из тех завалов, какими являются накопленные горы ядерного оружия. Всё это осложняет, отравляет обстановку в мире.

Думаю, тем не менее, что здесь наметились договорённости, их только не удалось оформить. Мы вносили наши предложения в пакете — я думаю, вы понимаете, почему это сделано. Но сам путь, который мы прошли к таким договорённостям о крупных сокращениях ядерного оружия, — это уже огромный опыт, который мы здесь получили, и приобретения огромные.

Думаю, что нужно будет и президенту США, и нам обдумать всю ситуацию, которая в конечном итоге сложилась здесь на встрече, и ещё раз вернуться и попытаться перешагнуть через то, что нас разделяет. Мы ведь о многом уже договорились, через многое прошли. Возможно, президенту надо посоветоваться с конгрессом, с политическими кругами, с американской общественностью. Пусть всё это обдумает Америка. Мы подождём, не снимая наших предложений, которые мы обнародовали и по которым, по сути дела, мы договорились. Это во-первых.

Во-вторых, я думаю, что все реалистические силы в мире должны сейчас действовать. Мы все, живущие в социалистическом мире, в капиталистическом мире, в развивающемся мире, имеем сейчас уникальный шанс наконец реально взяться за прекращение гонки вооружений, запретить ядерное оружие, уничтожить его и отвести от человечества ядерную угрозу.

В связи с этим мы внесли предложение президенту США: давайте договоримся о том, чтобы сразу по завершении нашей встречи в Рейкьявике сесть за полномасштабные переговоры по запрещению ядерных взрывов. Мы предложили, чтобы это был процесс, в ходе которого мы могли бы рассмотреть на каком-то этапе, может быть даже в первоочередном плане, и вопрос о порогах мощности ядерных взрывов, и о количестве ядерных взрывов в год, и о судьбе договоров 1974 и 1976 годов, и шли бы дальше к разработке полномасштабного договора о полном и окончательном запрещении ядерных взрывов.

Я скажу, мы были близки к нахождению формулы и по этому вопросу. Мы сказали американской стороне: мы не требуем от вас моратория. Дело ваше. Вы отчитываетесь перед своим конгрессом, перед народом о том, будете ли вы в ходе переговоров продолжать ядерные взрывы или присоединитесь к нашему мораторию. Но давайте сядем за полномасштабные переговоры для выработки соглашения о полном и окончательном запрещении ядерных взрывов. По пути мы рассмотрим и вопросы, о которых вы говорите: о контроле, о порогах, о количестве ядерных взрывов, о договорах 1974 и 1976 годов. Всё это можно рассмотреть. Происходило сближение. Но когда произошёл разрыв по [ПРО], оборвалась вся дискуссия, приостановились все поиски, и мы прекратили нашу встречу.

Я думаю, сейчас мы с американцами должны всё обдумать, да и мировое общественное мнение должно осмыслить сложившуюся ситуацию по главному вопросу, который беспокоит народы всех стран, — вопросу войны и мира, ядерной угрозы. Мне думается, и я не преувеличиваю, что всё, что мы предлагали президенту, отвечает интересам и американского народа, и народов всех стран. Если кому-то так не кажется, то мы вправе всем миром сказать сегодня: пусть прислушается к тому, чего требуют американский народ, советский народ, народы всех стран.

Я приехал сюда на встречу и сказал, что пришло время действий. Эти слова оказались пророческими. Действительно, время действий настало, и нам нельзя его терять. Мы будем действовать. Мы от своей линии — на мир, на борьбу против гонки вооружений, за запрещенное ядерное оружие, за его ликвидацию, за то, чтобы отвести угрозу от всего нашего земного шара, — не отступим. И я думаю, мы будем в этой борьбе не одиноки.

Вот что я хотел вам сказать сейчас, сразу после завершения встречи. Видимо, я мог бы сказать и больше, если бы у меня было больше времени, чтобы обдумать всё, что произошло. Но мне кажется, я выражался вполне ясно и определённо по всем вопросам.

Я сейчас не говорю о том, что мы касались многих других вопросов. Мы говорили о гуманитарных вопросах и выходили там на конкретные проблемы. Работали две группы экспертов — вы об этом, наверное, уже знаете. Во главе одной с нашей стороны был

Маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба Ахромеев, с американской — Пол Нитце. Они работали практически всю ночь. Группу по гуманитарным вопросам с нашей стороны возглавлял заместитель министра иностранных дел Бессмертных, со стороны американцев — заместитель госсекретаря Риджуэй. Там тоже был интересный обмен мнениями, и определённые договорённости, которые там имели место, могли бы стать составной частью итогового документа. Но поскольку разрушилось главное, остановился весь процесс.

Как видите, в общем была интересная встреча, важная, многообещающая встреча. Но пока она завершилась вот таким образом. Не будем впадать в отчаяние. Я думаю, эта встреча вывела нас на очень важный этап понимания того, где мы находимся. И она показала, что договорённости возможны. В этом я убеждён.

Благодарю вас за внимание. Неужели у вас даже после такой моей подробной речи ещё будут вопросы? Ну давайте. До зари будем сидеть.

Вопросы и ответы

Вопрос (чехословацкое телевидение): Михаил Сергеевич, вы сказали, что здесь, в Рейкьявике, был упущен исторический шанс. Когда, по вашему мнению, может появиться новый шанс?

Ответ: Я бы, знаете, дал на это оптимистический ответ. Потому что уже многое проделано — и накануне встречи, и на самой встрече. И если мы с реалистических позиций — и в Соединённых Штатах, в Белом доме, и у нас в советском руководстве — ещё раз всё обдумаем и проявим реализм и ответственность, то ещё не потеряна возможность решить эти вопросы.

Вопрос (японская телекомпания NHK): Значит ли это, что диалог с США, с администрацией Рейгана ещё продолжается? Или вы думаете, что для продуктивного диалога с Рейганом возможностей остаётся очень мало?

Ответ: Я думаю, что сейчас ещё больше возросла необходимость в диалоге, каким бы трудным он ни был.

— А вас я не знаю... — Колесниченко. — А, вы в основном в Америке жили, поэтому я вас не знаю.

Вопрос (газета «Правда»): Михаил Сергеевич, как вы считаете, всё-таки почему американская администрация пошла на срыв переговоров, приняв такое безответственное решение, игнорируя мировое общественное мнение?

Ответ: По-моему, Америка должна ещё определиться. Она, по-моему, ещё не определилась. И это, как мы чувствовали, сказывалось на позиции президента.

Вопрос (Австралийская радиовещательная корпорация): Вы сказали, что президент Рейган находится в плену военно-промышленного комплекса. Значит ли это,

что следующие два года будут безрезультатными? Есть ли у вас надежда, что следующий президент США не будет в плену этого комплекса?

Ответ: При всём том, что ныне представляет военно-промышленный комплекс, и при всём том, какой вес он занимает в сегодняшней Америке, не будем переоценивать его возможности. Я всегда сторонник такого подхода: решающее слово — за народом в любой стране, в том числе и за американским народом.

Вопрос (исландское радио и телевидение): После негативного результата встречи попытается ли Советский Союз противопоставить что-либо американской программе СОИ и не запустит ли он на полную мощь свою программу космических вооружений?

Ответ: Я думаю, вы поняли смысл советской позиции. Если сейчас мы подошли к этапу, на котором начинаем глубокое сокращение ядерного оружия — и стратегического, и средних ракет, — и мы с американцами уже выходили на договорённость сделать это в течение десяти лет, то мы вправе требовать, чтобы в этот период мы были гарантированы, что ничего неожиданного, непредвиденного не произойдёт. Это включает и такую сферу, как космос, и развёртывание космической ПРО.

Я сказал президенту — может быть, я немного приоткрою занавес над нашим обменом мнениями, — что нас СОИ в военном отношении не беспокоит. По-моему, и в Америке уже никто не верит, что можно создать такую систему. И если в конце концов Америка на это решится, наш ответ будет асимметричным. Правда, сказал я ему: «Господин президент, вы знаете, что меня уже сделали вашим соратником по СОИ?» Он удивился. Оказывается, говорю, в связи с тем, что я так остро критикую СОИ, это даёт вам самый убедительный аргумент, что СОИ нужна. Вы просто говорите: раз Горбачёв против, значит, это хорошее дело. И вы собираете аплодисменты и финансирование. Правда, появились и циники, и скептики, которые говорят: а вдруг это коварный замысел Горбачёва — самому не втягиваться в СОИ, а Америку разорить? Вы уж разберитесь сами. Во всяком случае, нас СОИ не пугает. Это я уверенно заявляю, потому что в таких вопросах заниматься блефом — дело безответственное. Ответ на СОИ будет. Асимметричный, но будет. И нам при этом не придётся жертвовать многим.

Но в чём её опасность? Первое — опасность политическая. Сразу создаётся ситуация, которая вносит неопределённость, подогревает недоверие друг к другу, подозрение. И тогда уж тут не до сокращения ядерного оружия. Короче говоря, для того чтобы основательно заняться сокращением ядерного оружия, нужна совсем другая ситуация. Во-вторых, есть всё-таки и военная сторона. Через СОИ можно выйти на новые виды оружия — это мы тоже компетентно можем сказать — и выйти на совершенно новый этап гонки вооружений, непредсказуемый по своим последствиям.

Получается, что с одной стороны мы договариваемся начать сокращать ядерное оружие — сегодня самое опасное и страшное, а с другой — должны благословлять исследования, причём проводить их даже в космосе, в натуре, для того чтобы создать новейшее оружие. Это же не согласуется с нормальной логикой.

Вопрос (газета «Вашингтон пост»): Вы только что провели ещё одну встречу с президентом Рейганом после двух дней заседаний. Какое у вас сложилось впечатление о президенте как о политическом деятеле? Считаете ли вы, что он разделяет ваше чувство ответственности за судьбы мира?

Ответ: У меня такое впечатление, что мы с господином Рейганом можем продолжать и диалог, и поиски развязок крупных, животрепещущих проблем, в том числе и тех, о которых я говорил.

Вопрос (датское телевидение): С учётом неудовлетворительных итогов данного совещания означает ли это, что не будет достигнуто прогресса по вопросу запрещения ядерных испытаний и по другим вопросам, которые обсуждались вчера и сегодня? Увязывается ли запрещение ядерных испытаний с другими вопросами, которые рассматривались на этих заседаниях?

Ответ: Я уже ответил на этот вопрос. Мы считаем, что на этом не обрываются ни наши контакты с американцами и с президентом, ни тем более международные отношения. Поиски продолжаются и будут продолжаться. И я думаю, то, что здесь произошло, в Исландии, тем более должно стать мощным стимулом к тому, чтобы мы все сейчас почувствовали, что надо включаться в общую борьбу за нормализацию международной обстановки, за поиск выходов из тупиковых ситуаций, в том числе и тех, о которых шла речь здесь, в Рейкьявике, — ведь один из тупиков здесь тоже возник. Но я оптимист.

Вопрос (телевидение ГДР): Вы сказали, что встреча не дала результатов. Означает ли это, что она была бесполезной? Как вы считаете, стал ли мир после встреч в Рейкьявике надёжнее?

Ответ: Я думаю, вы хорошо продумали свой вопрос, это делает вам честь. У наших немецких друзей мне всегда нравится точность выражений, в том числе и мыслей. Я думаю, то, что произошло в Рейкьявике, — несмотря на то, что мы завершили встречу, не договорившись по вопросам, по которым мы, кажется, нашли подходы, — это печально, это разочаровывает. Но я бы не назвал эту встречу безрезультатной. Наоборот, она всё-таки ступень в сложном и трудном диалоге, в поисках решений. Ведь мы в общем-то ищем нелёгкие решения нелёгких вопросов. Поэтому давайте не будем сеять по миру панику. Но в то же время мир должен знать всё, что происходит, чтобы он не чувствовал себя сторонним наблюдателем. Сейчас подошло время активных действий всех сил.

Вопрос (американская телекомпания ABC): Господин Генеральный секретарь, я не понимаю: почему, когда вы с президентом Рейганом имели возможность добиться соглашения по сокращению ядерных вооружений, советская сторона не согласилась с исследованиями по СОИ? Вы ведь в своё время говорили в Женеве, что готовы заплатить большую цену за сокращение ядерных вооружений. А сейчас, когда были такие возможности, вы их упустили.

Ответ: В вашем вопросе уже содержится элемент критики, поэтому я отвечу на него более подробно.

Во-первых, президент США приехал в Рейкьявик с пустыми руками и с пустыми карманами. Американская делегация, я бы сказал, привезла нам хлам с женевских переговоров. И только благодаря далеко идущим предложениям советской стороны мы смогли выйти на очень крупные договорённости — они не были оформлены, я оговариваюсь, — по сокращению стратегических наступательных вооружений и по средним ракетам.

Естественно, мы надеялись в этих условиях — и я думаю, это вполне понятно и политику, и военному, и просто нормальному человеку, — что если мы подписываем подобные договорённости о крупных сокращениях ядерного оружия, то надо позаботиться о том, чтобы не произошло ничего, что сорвало бы этот трудный процесс, к которому мы шли десятилетиями. И тогда мы поставили вопрос о том, что мы за упрочение Договора по ПРО. Американская сторона всё время подкапывается под ПРО. Она уже поставила под сомнение ОСВ-2, и теперь ей хотелось бы в Рейкьявике организовать похороны ПРО, причём с участием Советского Союза и Горбачёва. Это не пройдёт. Весь мир бы нас не понял, я в этом убеждён.

Все, кто здесь сидит, убеждены в том, что если мы ещё начнём атаковать ПРО — последний механизм, столько сделавший для того, чтобы всё-таки сдержать гонку вооружений, — тогда мы ничего не стоим как политики. Но мало его сохранить. В условиях, когда начинаются глубокие сокращения ядерных вооружений, мы считаем, что этот договор надо упрочить. И мы предложили механизм упрочения: в течение 10 лет, за которые мы полностью сократим, уничтожим ядерный потенциал в наших странах, не пользоваться правом выхода из ПРО. И в то же время, чтобы никто не стремился — ни Советский Союз обойти Америку в исследованиях по космосу и вырваться вперёд, добиться военного превосходства, ни Америка по отношению к Советскому Союзу, — мы сказали: мы за лабораторные исследования и испытания, но против выхода с этими исследованиями и испытаниями частей космической ПРО в космос. Вот наше требование. Таким образом, и в этом случае оно было конструктивным, учитывающим позицию Америки. Если бы она согласилась, она получала бы возможность в рамках продолжения лабораторных исследований решать свои вопросы, но без попыток создать космическую ПРО. Я думаю, тут логика, как говорят дети, железная. У детей тоже надо иногда учиться.

Теперь дадим слово женщинам. *Вижу, как трудно пробиться женщине.*

Вопрос (в газету не вошёл): о правах человека в связи с предстоящей венской встречей — собираетесь ли вы поделиться своими соображениями на этом совещании?

Ответ: Я думаю, что эту проблему, гуманитарную... (ответ обрывается; дальше сбой перевода: «Я не понял, плохой перевод. Минутку...»)

Вопрос (газета «Гардиан»): Планирует ли Советский Союз какие-то новые инициативы в отношении Западной Европы после того, что произошло в Рейкьявике?

Ответ: Я думаю, Западная Европа слышит, что я говорю. И если она подумает и внимательно изучит наши предложения, то обнаружится, что они отвечают интересам

Западной Европы. Мы понимаем, что не можем безразлично относиться к интересам Западной Европы, в которой пускают корни ростки нового мышления и в которой нарастает ответственность за сохранение и упрочение нашего европейского дома.

Вопрос (журнал «Ньюсуик»): Каковы ваши намерения относительно поездки в Вашингтон? Вы говорили, что до этого необходимо добиться одного-двух соглашений. Возможно ли достижение таких соглашений прежде, чем вы прибудете в Вашингтон с визитом?

Ответ: Я думаю, что, несмотря на весь драматизм сегодняшнего дня, мы не удалились от Вашингтона, а приблизились к нему. И если президент и американская администрация прислушаются к моему предложению продолжить изучение всего того, о чём шла речь здесь, в Рейкьявике, и посоветуются в тех кругах, в которых они считают необходимым, я думаю, ещё не всё потеряно. Есть возможность, опираясь на то, что мы здесь имели в Рейкьявике, выйти на такие соглашения, которые сделали бы реальной и возможной встречу в Вашингтоне, и она могла бы быть результативной.

Вопрос (американская телекомпания CNN): Господин Горбачёв, вы говорили в своём выступлении, что президент Рейган должен подумать над ситуацией, посоветоваться с конгрессом, посоветоваться с американским народом. Считаете ли вы, что американское общественное мнение поддержит советский подход в этом плане?

Ответ: Подождём — увидим.

Вопрос (газета «Руде право»): У меня вопрос к вам как к политическому деятелю и юристу. Как, по вашему мнению, выглядят приоритеты в вопросах прав человека в ракетно-ядерный век, и какую роль может сыграть человеческий фактор в решении вопроса войны и мира?

Ответ: Вы — философ. Могу сказать, что я тоже раньше занимался философией и теперь опять стал ею заниматься. Я думаю, когда мы говорим о правах человека, то должны помнить, что сегодня вопрос о сохранении мира, о том, чтобы отвести ядерную угрозу от человека, — это самый главный приоритет. Будет мир — будет жизнь. А с проблемами как-нибудь разберёмся. Вот ведь сидим, люди со всего мира, и обсуждаем самые злободневные вопросы. Всё больше становится в мире образованных людей, образованных народов. Я думаю, народы во всём разберутся. Поэтому, когда мы говорим о правах человека, я бы на первое место поставил право человека на жизнь. Это первое.

И второе — о человеческом факторе. Я думаю, в ядерный век (и в этом я вижу как раз проявление нового мышления) угроза ядерной войны по-новому ставит и вопрос о роли человеческого фактора в борьбе за мир, за предотвращение войны. Ибо сегодня эта война будет касаться всех, независимо от того, где она начнётся. Только недоброжелатели считают, что все антивоенные движения, все, кто выступает в защиту мира, — это происки Москвы, что они наняты, подкуплены социализмом и так далее. Это несерьёзно, и народ сейчас в этом разбирается. Сегодня женщины, дети, мужчины всех возрастов поднимаются, берутся за руки и требуют остановить опасную тенденцию, когда мир

движется к угрозе ядерной войны. Я думаю, роль человеческого фактора в этих условиях значительно возрастает.

Вопрос (газета «Известия»): В Белом доме много и часто говорили о том, что главная опасность для Америки — это советские межконтинентальные ракеты. Мы же предложили в Рейкьявике в течение десяти лет эту главную опасность для Америки ликвидировать. Каково ваше впечатление: почему другая сторона оказалась не готова к тому, чтобы снять, отвести от своей страны эту главную опасность?

Ответ: Вы очень правильно подняли этот вопрос. Он много лет использовался американской стороной для утверждений, что Советский Союз, дескать, не настроен серьёзно на разоружение, на прекращение гонки вооружений, что он не учитывает озабоченности Америки и так далее.

Как видите, мы предложили пойти на радикальные сокращения, причём поставили вопрос очень резко. Есть триада стратегических вооружений, признанная и нами, и американцами. Мы предложили всю эту триаду сократить в первые пять лет на 50 процентов. Это крупный шаг.

Но вместе с тем мы американцам сказали, что и у нас есть озабоченность. Ведь в США примерно 70 процентов стратегических сил расположено на подлодках. Это [5]656 РГЧ индивидуального наведения. А подлодки, как известно, курсируют во всех морях и океанах вокруг Советского Союза. Откуда они нанесут удар? Это похуже тяжёлых ракет наземного базирования.

Одним словом, когда не хотят решать вопросы, тогда ищут проблемы, создают искусственные препятствия. Однако здесь эти препятствия были сняты. Вот что важно. Ведь мы пошли на очень крупный шаг, сняв оговорки относительно средних ракет, которые имеют для Америки стратегическое значение, — «Першингов» и нынешних средств передового базирования: мы сбросили их с зачёта при решении вопроса о ракетах стратегического назначения. Всё это говорит о нашей доброй воле. И американцы тем не менее не пошли нам навстречу.

Американцы думают, что они через космос добьются военного превосходства над нами и реализуют идею одного президента, который сказал: кто будет господствовать в космосе, тот будет господствовать на Земле. Это показывает, что нам приходится иметь дело с имперскими амбициями.

Но мир сегодня не тот, что прежде. Он не хочет быть и не будет вотчиной ни Соединённых Штатов Америки, ни Советского Союза. Каждая страна имеет право на свой выбор, на свою идеологию, на свои ценности. Если мы не признаём этого, тогда нет международных отношений, тогда есть хаос и кулачное право. Мы с этим никогда не согласимся.

Америка, наверное, очень тоскует по старым временам, когда она была могучей и в военном отношении нас превосходила, — ведь мы все вышли из войны ослабленными экономически. Ностальгия по прошлому в Америке, видимо, есть. Но тем не менее надо пожелать нашим американским партнёрам осознать сегодняшние реальности. Это им

тоже необходимо сделать. Иначе, если американцы не начнут мыслить сегодняшними категориями, исходить из нынешних реальностей, мы не продвинемся в поисках правильных решений.

Вопрос (болгарское телевидение): Насколько я понял, переговоры в Женеве не прекращаются, и советское руководство намерено дать советской делегации поручение искать решение вопросов, которые до сих пор не разрешены?

Ответ: Вы правы.

Вопрос: Думаете ли вы, что те же самые инструкции будут даны и американской делегации после Рейкьявика?

Ответ: Я надеюсь, что это будет именно так.

Вопрос (телеграфное агентство ЧТК): Какое, по вашему мнению, влияние окажет исход встречи в Рейкьявике на общеевропейский процесс?

Ответ: Я думаю, что и политики, и народы Европы в этот очень ответственный момент окажутся на высоте. Время требует действий, а не просто велеречивых заявлений, за которыми не следует ничего конкретного. Мир устал, миру надоела болтовня. Мир нуждается в реальном прогрессе — в разоружении, в ликвидации ядерного оружия. И я думаю, что эта тенденция будет нарастать. Особенно я надеюсь на мудрость и ответственность политиков и народов Европы.

Вопрос (американская телекомпания NBC): Как я понимаю, вы напрямую обращаетесь с призывом к другим членам международного сообщества выступить в качестве своего рода лобби, с тем чтобы повлиять на Соединённые Штаты и заставить их изменить своё мнение?

Ответ: Нам известно, насколько у вас развит лоббизм, как идёт политический процесс в Америке. Может быть, поэтому и президенту трудно было принять решение на этой встрече. Но когда речь идёт о том, чтобы упрочить мир, предпринять реальные шаги с этой целью, когда нужны совместные усилия — а это касается всех, а не только Соединённых Штатов и Советского Союза, — то, я думаю, надо говорить не о лоббизме, а о чувстве ответственности, о здравом смысле народов, о понимании той ценности, какой является сегодняшний мир, и необходимости его уберечь. Поэтому обвинять народы или движения, выступающие за мир, в том, что они лоббисты в пользу Советского Союза, — оскорбительно. Речь идёт о том, что люди отстаивают свою политическую и гражданскую позицию.

Вопрос (исландская газета «Моргунбладид»): Я работаю в Исландии издателем газеты. Не вызвало ли у вас трудности решение о прибытии в Рейкьявик? Ведь Исландия — член НАТО. В то же время, как известно, наше правительство выступило за объявление Севера безъядерной зоной, и мне хотелось бы узнать ваше отношение к этому.

Ответ: Я хотел закончить этой темой и с удовольствием воспользуюсь вопросом представителя прессы Исландии. Хочу напомнить, что именно мы предложили Исландию

как возможное место встречи. Поэтому никаких трудностей у нас на этот счёт не было.

Я хочу поблагодарить правительство Исландии, народ Исландии за то, что они весь свой потенциал — и человеческий, и организационный, и материальный — использовали для того, чтобы решить все вопросы по организации этой встречи. Мы благодарны за это и чувствовали себя здесь хорошо. Много интересного я получил из информации Раисы Максимовны, у которой было много встреч в Исландии. Все они были очень интересны, нас радует дружелюбная атмосфера, большой интерес к нашей стране. Мы благодарны Исландии, исландскому правительству за то, что они сделали. Желаем процветания вашему народу.

Что касается последней части вашего вопроса — относительно того, что правительство вашей страны хочет объявить Север безъядерной зоной, — мы это приветствуем и рассматриваем это как вклад.

Дорогие друзья, благодарю вас за внимание. Думаю, мы с вами провели время полезно. Желаю вам всего доброго. До свидания.

Никто из вас не спросил, какова же роль прессы в этот ответственный исторический момент. Подумайте над этим — я вам задаю этот вопрос.

Замечания к сверке

1. **Число боеголовок на ПЛАРБ.** В «Правде» напечатано «656 РГЧ». Как число боеголовок это невозможно (у США их было около 5,5–6 тысяч), а эфирная запись в этом месте неразборчива. Вероятно, в газете выпала цифра; в тексте оставлено «[5]656».
2. **Вопрос АВС** по смыслу противоположен первоначальному прочтению эфира: советская сторона *не* согласилась с исследованиями по СОИ.
3. **Атрибуция вопросов** всюду взята из «Правды»; прежние догадки по эфиру были неверны. Первый вопрос задало чехословацкое телевидение, «немецкий» — телевидение ГДР, «Бен Роджерс» — АВС. Вопрос о военно-промышленном комплексе задала Австралийская радиовещательная корпорация, спросив о «следующих двух годах» и о следующем президенте; вопрос о правах человека и человеческом факторе — «Руде право».
4. **Порядок изложения** в газете местами иной (например, Заявление от 15 января стоит после пассажа о моратории и Неваде); здесь сохранён эфирный порядок.